

щимъ ростомъ культуры и техники за послѣднія двѣсти лѣтъ. Необходимы громадныя фабрики и заводы, техническіе институты, успѣхи физики и химіи, необходимы университеты съ ихъ научными лабораторіями и арміей ученыхъ. Необходимы тѣ же телеграфы, телефоны, желѣзныя дороги—все то, что содѣйствуетъ живому обмѣну идей, тому кипѣнію работы, которое невозможно безъ широкаго мірового обмѣна идеями, товарами и всѣми продуктами культуры. А если бы отказаться отъ благъ культуры и всецѣло отдаться натуральному сельскому хозяйству, то на территоріи современной Франціи могло бы прокормиться не болѣе 500.000 человекъ, вмѣсто 40.000.000.

Исходя изъ положенія, что человѣческая личность выше всего, выше государства, науки,—она то „чему не можетъ быть оцѣнки, выше чего ничего нѣтъ“,—Толстой отрицаетъ современную фабричную промышленность, такъ губительно дѣйствующую на здоровье рабочихъ.

По мнѣнію Толстого рабочіе сами виноваты въ своемъ положеніи. Они покинули землю и отдались въ рабство организованному правительствомъ насилію. И напрасно думаютъ они помочь себѣ, вступая на путь классовой и политической борьбы. Освобожденіе рабочихъ зависитъ отъ нихъ самихъ. Нужно уничтожить правительство, отказавшись отъ всякаго ему содѣйствія.

Люди сьумѣютъ устроиться безъ всякой власти, создадутъ себѣ полезныя для общежитія учрежденія. Если бы не было земельной собственности, люди не селились бы скученно въ одномъ мѣстѣ, они расселялись бы по всему міру и всѣмъ бы хватило мѣста и земли. Нужно выйти изъ того круга насилія, которымъ охвачены всѣ слои населенія, благодаря правительственной организаціи. Съ большимъ воодушевленіемъ высказывается Толстой противъ всякихъ юридическихъ нормъ и въ особенности противъ суда.

Судъ вызываетъ въ Толстомъ особенно враждебныя чувства. Чиновникъ, да еще судейскій и въ старые годы былъ высоко антипатиченъ феодалу, какъ начало, ограничивающее его независимость. Толстой не чуждъ этихъ сословно-психологическихъ предубѣжденій противъ суда. Бирюковъ рассказываетъ намъ, какъ возмущенъ былъ Толстой, когда не въ мѣру ретивый судебный слѣдователь обязалъ Толстого подпиской о невыѣздѣ по дѣлу о забораніи крестьянина принадлежащимъ графу быкомъ.

Судебный слѣдователь, конечно, переусердствовалъ, но и возмущеніе графа Л. Н. Толстого не знало границъ: онъ собирался даже переселиться навсегда въ Англію.

Съ особенной суровостью, незнающей жалости, изображаетъ Толстой судейскаго человѣка въ лицѣ Ивана Ильича; полны сарказма сцены суда въ „Воскресеніи“, гдѣ не пощаженъ судъ присяжныхъ и изображенъ въ самомъ каррикатурномъ видѣ. Судьи—чиновники, совершенно равнодушны къ судьбѣ подсудимыхъ; у cadaго изъ нихъ въ головѣ свои мысли и